

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Социальные практики: интерпретация понятия

С. С. ШУГАЛЬСКИЙ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье дана интерпретация понятия «социальные практики» как ключевого в социологии опривыченных действий. Его сущность и содержание раскрываются в рамках социологической теории практик. Ключевые слова: опривыченные действия, социальные практики.

По мере того как понятие «социальные практики» занимает все более заметное место в социологии, мир повседневности становится востребованным предметом социологических исследований. Интерес к данному феномену возрождается в контексте «практического поворота» (practice turn) — фокусировке значительной части социологической теории на сфере повседневности, а также выделения мира опривыченных действий в самостоятельную область исследований и формирования нового подхода к исследованию общества на основе понятия «социальные практики».

Теорию социальных практик в социологии развивали П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, А. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, К. Гирц, И. Гофман, Т. Парсонс, А. Шюц и др. Непосредственно социологический этап изучения «практик» начинается с публикации в 70-х годах XX в. работы П. Бурдьё «Набросок теории практики», а также исследования К. Гирца «Интерпретация культур». В них категория социальных практик актуализирована как инструмент социологического теоретизирования, что дало повод для дальнейшего изучения опривыченных действий в рамках социологической науки. В российской социологии эта проблематика представлена в работах Т. И. Заславской, А. Г. Ионина, Н. Н. Козло-

вой, Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова, и др. Это направление исследований активно развивается в Европейском университете в Санкт-Петербурге под руководством В. В. Волкова и О. В. Хахордина.

Остановимся более подробно на трех основных теориях, которые способствовали концептуализации понятия социальных практик: структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса и этно-методология Г. Гарфинкеля.

Французский социолог П. Бурдьё рассматривал социальные практики как способность социальных субъектов проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающей действительности. Эти практики определяют образ мыслей и поведения в соответствии с индикаторами доступного и недоступного, того, что «для нас» и «не для нас», тем самым заставляя социальных субъектов приспосабливаться к настоящему и будущему. Социальной практикой можно считать как целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и каждодневные, привычные поступки, не требующие объяснения и зачастую кажущиеся внешнему наблюдателю лишёнными смысла или же нелогичными (Бурдьё, 1994). П. Бурдьё вводит очень важную для понима-

ния социальных практик категорию габитуса. Он определяет габитус как «систему устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие практики и представления...» (Бурдые, 2001: 102). Габитус выступает продуктом истории, это приобретенная система порождающих схем. «Габитус как искусство изобретения есть то, что позволяет производить бесконечно большое число практик...» (там же: 108).

Для Э. Гидденса социальные практики — основа формирования и субъекта, и социального объекта (Гидденс, 2003: 15–17). Все социальные практики, формирующие затем и социальные структуры, не могут происходить «все равно где», они упорядочены в пространстве и во времени, привязаны к определенному контексту, фону. При этом социолог особо подчеркивает, что социальная практика не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится ими. «Согласно нашей теории, — утверждает Э. Гидденс, — предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора, и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики» (там же: 40). Повседневность переосмысливается Э. Гидденсом через общепринятые практики, или рутины, т. е. действия, совершаемые привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности (там же: 185).

Основные формальные свойства социальных практик в понимании Г. Гарфинкеля — это «объяснимость практик, их наблюдаемость и сообщаемость, их рефлексивный характер, когда действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми, а смысл поведения должен быть обнаружен в самом поведении» (Гарфинкель, 2007: 9). В этнометодологии социальные практики понимаются как фоновое знание; конкретная деятельность, соединяющая слова и действия; искусство решения практических задач в ситуации неопределенности (Добреньков, Кравченко, 2001).

Социальные практики Э. Гидденс сводит к социальным действиям (Гидденс, 2003). В этой связи можно обратиться к работам М. Вебера и Т. Парсонса, где были сделаны первые попытки подобного осмысления данного понятия. По определению социального действия, данному М. Вебером, социальное действие — это «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу относится с действием других людей и ориентируется на него» (Вебер, 1990: 603). В своей работе «Структура социального действия» Т. Парсонс рассматривает действие «как единицу с точки зрения определенной системы координат» и выделяет ряд фактов, конституирующих единичный акт: актор, цель деятельности, социальная ситуация и нормативная система (Парсонс, 2000: 94–96). По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, действия также выступают основой социальных процессов (Бергер, Лукман, 1995). Таким образом, была создана основа для дальнейшей научной разработки категории социальных практик как совокупности социальных действий акторов.

Однако практический акт не ограничивается социальными действиями. В повседневной жизни происходит рутинизация социальных действий. «Рутинизация обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его (ее) повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества, которые являются таковыми лишь при условии своего непрерывного воспроизводства» (Гидденс, 2003: 111). П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» выявили также, что всякая человеческая деятельность подвергается хабитуализации (*habitualization*) (опривычиванию), которое предусматривает стабильную основу для воспроизведения человеческой деятельности с минимизацией усилий и для ее институционализации (Бергер, Лукман, 1995: 89–92). Понятие хабитуализации легло в основу многих институциональных исследований в социологии с целью изучения реальных практик. Это касается деятельности как в социальной сфере, так и вне ее (там же: 87–88). Бергер и Лукман определяют институт как «взаимную типизацию опривыченных действий деятеля»

ми разного рода» (там же: 92). Опривычивание социальных действий означает, что двое индивидов сконструировали общий фундамент, служащий целям стабилизации их взаимоотношений, — их взаимодействие становится предсказуемым (там же: 56). Об этом говорит и П. Сорокин: «...люди постепенно приспосабливались друг к другу. Определенные взаимоотношения чаще и чаще повторялись. Повторявшиеся взаимоотношения становились привычными» (Сорокин, 1994: 40–41).

Психологический смысл «опривычивания» состоит в том, что оно предопределяет набор действий и освобождает индивида от необходимости постоянного решения одних и тех же вопросов, тем самым давая ощущение стабильности жизненного мира. Процессы habituализации предшествуют любой институционализации: «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» (Бергер, Лукман, 1995: 89–90). Эту мысль можно дополнить словами Э. Гидденса: «...многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов» (Гидденс, 1993: 69).

Согласно обозначенным подходам к раскрытию понятия социальных практик мы можем заключить, что на начальном уровне любое действие, совершаемое индивидом в обществе, приобретает значение социального. Далее социальное действие, которое часто повторяется, проходит стадию опривычивания и становится социальной практикой (опривыченные действия и образцы поведения закрепляются в социальных практиках), на последней стадии выходит на высший, институциональный уровень (Бергер, Лукман, 1995: 78, 81), становясь социальным институтом. Шюц пишет: «То, что вначале было лишь результатом повторяющихся действий группы индивидов, следующим поколением воспринимается уже как данность, подлежащая лишь повторению, настолько же естественная для индивида в окружающем пространстве, как и физические объекты, присутствующие в нем» (Шюц, 2003: 156–157).

В социологической теории, считает В. В. Волков, термин «практика» на начальном этапе символизировал поиски компромисса между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии, объединяя различные попытки заменить представления о структурно-функциональной, культурной или экономической детерминированности деятельности людей более «гуманистической» картиной социальной реальности, подчеркивая активную роль коллективной человеческой деятельности в воспроизводстве и изменении социальной системы. А овладеть практикой, заключает он, значит овладеть смыслом, не задумываясь о реализующемся в последовательности действий (Волков, 1997: 9).

Обобщая основные положения концепций изучения опривыченных действий, выделим основные элементы, характеризующие понятие «социальная практика» и дающие представление о сущности повседневных практик. В нашем понимании социальная практика предстает как совокупность конкретных опривыченных (рутинных) повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов. Основные свойства социальных практик сформулируем, опираясь на выводы Г. Гарфинкеля: объяснимость практик, «их наблюдаемость и сообщаемость», их рефлексивный характер, когда «действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми» (Гарфинкель, 2007: 9). Социальные практики характеризуют устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность. По мнению П. Бурдьё, социальные практики имеют двойственную структуру: с одной стороны, они детерминируются социальной средой, с другой — воздействуют на среду, изменяя ее структуру. В. В. Волков и О. В. Хархордин рассматривают социальную практику как источник осмысленности, как то, что придает значение самим по себе вроде бессмысленным вещам (Волков, Хархордин, 2008). Необходимо отметить, что практики

осуществляются с использованием инструмента — тела. Вопрос «телесности» практик затрагивается в работах П. Бурдые (Бурдые, 2001: 135) и Э. Гидденса (Гидденс, 2003: 174–182). Тело индивида служит вместилищем социальных практик. Ограничения, накладываемые телом на возможности человека, являются первичными при организации социальных практик во времени и пространстве.

Показательный пример социальной практики приводят В. И. Добренков и А. И. Кравченко, указывая на очередь в магазине, когда за товаром выстраивается цепочка случайных покупателей, которые сразу же подчиняются определенным правилам поведения. Никакие министерства или ведомства не устанавливали правил стояния и продвижения в очереди, однако люди добровольно подчиняются неформальным нормам. Очередь — специфическая институционализированная форма поведения, или социальная практика (Добренков, Кравченко, 2001: 78). Т. И. Заславская отмечает: «Социальные практики представляют собой конкретные формы функционирования общественных институтов, общей же формой реализации каждого института служит... совокупность соответствующих социальных практик» (Заславская, 2001: 7).

Но очередь — всего лишь один пример из бесконечного множества встречающихся в жизни каждого индивида практик. Гарфинкель в труде «Исследования по этнометодологии», говоря о «наблюдаемых и сообщаемых, доступных индивидам» практиках, считает, что они «состоят из бесконечного, непрерывного, контингентного обучения; что они осуществляются при помощи рутинных действий и вызываются как события в тех же рутинных действиях, которые они описывают; что практики производятся индивидами в тех ситуациях, от знания о которых и от навыков действия в которых (т. е. от компетентности) практики, безусловно, зависят, которые индивиды признают, используют и принимают как данность; и то, что индивиды принимают свою компетентность как данность, само по себе обеспечивает участников знанием об отличительных и специфических характеристиках ситуации и, разумеется, обеспечивает их также ресур-

сами, проблемами, проектами и пр.» (Гарфинкель, 2007: 9).

Сегодня на запрос «социальные практики» поисковые системы выдают более 5 млн совпадений. Категория «практики» широко используется в социальных науках и выдвинулось в ряд фундаментальных категорий. Слово «практики» включается современными исследователями во множество сочетаний: «социальные практики», «повседневные практики», «неформальные практики», «практики развлечений» и т. п. Современные социологи используют социальные практики в качестве инструмента, позволяющего раскрыть широкий спектр явлений и событий общественной жизни как разновидностей социальных практик. Социальные практики одинаково применимы и к описанию «близкого» жизненного мира, и к рассмотрению «масштабных» явлений. А. Шюц замечает: «...в сфере практических интересов мы довольствуемся знанием о том, что конкретные средства и процедуры приводят к определенным желательным или нежелательным результатам. То, что мы не понимаем, «почему» и «как» они работают, и что мы ничего не знаем об их происхождении, не мешает нам спокойно заниматься ситуациями, делами, людьми» (Шюц, 2003: 222).

В отличие от социологических теорий, нацеленных на выявление истины и представление обобщенного знания об объекте или поле исследования, теории социальных практик сфокусированы на выявлении характерных тенденций современного общественного развития. Они открыты не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Представители теории практик исследуют, как опривычивание действий в повседневной жизни людей влияет на изменение социальных институтов и социальной структуры общества. Социальная реальность предстает исследователям как сплетение социальных практик. Совокупность таких практик позволяет представить социальную картину общества в целом. Изучение деятельности людей через призму социальных практик представляет собой взаимосвязь теоретических и эмпирических исследований их опривыченных (рутинных) действий в рамках тех или иных институтов или организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. : МЕДИУМ.

Бурдьё, П. (1994) Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos.

Бурдьё, П. (2001) Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко ; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя.

Вебер, М. (1990) Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избр. произведения. М. : Прогресс. С. 602–643.

Волков, В. В. (1997) О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. № 6. С. 9–23.

Волков, В. В., Хархордин, О. В. (2008) Теория практик // Серия «Прагматический поворот». Вып. 2. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.

Гарфинкель, Г. (2007) Исследования по этно-методологии. СПб. : Питер.

Гидденс, Э. (1993) Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем : альманах. М. : Зима. Т. 1. Вып. 1. С. 57–82.

Гидденс, Э. (2003) Устройство общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический проект.

Добренков, В. И., Кравченко, А. И. (2001) Социология : в 3 т. М. : Инфра-М. Т. 3 : Социальные институты и процессы.

Заславская, Т. И. (2001) О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : МВШСЭН. С. 3–15.

Парсонс, Т. (2000) Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект. С. 43–328.

Сорокин, П. (1994) Общедоступный учебник по социологии. М. : Наука.

Шюц, А. (2003) Смысловая структура повседневного мира : Очерки по феноменологической социологии. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение».

SOCIAL PRACTICES: AN INTERPRETATION OF THE CONCEPT

S. S. Shugalskiy

(Moscow University for the Humanities)

The article presents an interpretation of the concept «social practices» as a key one in the sociology of

everyday activities. The author defines its essence and content within the limits of the sociological theory of practices.

Keywords: everyday activities, social practices.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Berger, P., Lukman, T. (1995) Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniia. M. : MEDIUM.

Burd'e, P. (1994) Nachala. Choses dites / per. s fr. N. A. Shmatko. M. : Socio-Logos.

Burd'e, P. (2001) Prakticheskii smysl / per. s fr. A. T. Bikbova, K. D. Voznesenskoj, S. N. Zenkina, N. A. Shmatko / obshch. red. i poslesl. N. A. Shmatko. SPb. : Aleteiia.

Veber, M. (1990) Osnovnye sotsiologicheskie poniatii / per. s nem. M. I. Levinoi // Veber M. Izbr. proizvedeniia. M. : Progress. S. 602–643.

Volkov, V. V. (1997) O kontseptsii praktik(i) v sotsial'nykh naukakh // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 6. S. 9–23.

Volkov, V. V., Kharkhordin, O. V. (2008) Teoriia praktik // Seriiia «Pragmaticheskii povорот». Vyp. 2. SPb. : Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge.

Garfinkel', G. (2007) Issledovaniia po etno-metodologii. SPb. : Piter.

Giddens, E. (1993) Deviat' tezisov o budushchem sotsiologii // THESIS. Teoriia i istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem : al'manakh. M. : Zima. T. 1. Vyp. 1. S. 57–82.

Giddens, E. (2003) Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii struktursatii. M. : Akademicheskii proekt.

Dobren'kov, V. I., Kravchenko, A. I. (2001) Sotsiologiia : v 3 t. M. : Infra-M. T. 3 : Sotsial'nye instituty i protsessy.

Zaslavskaiia, T. I. (2001) O sub'ektno-deiatel'nostnom aspekte transformatsionnogo protsessa // Кто и куда стремится вести Россию? Aktory makro-, mezo- i mikroourovnei sovremennogo transformatsionnogo protsessa / pod obshch. red. T. I. Zaslavskoi. M. : MVShSEN. S. 3–15.

Parsons, T. (2000) Struktura sotsial'nogo deistviia // Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviia. M. : Akademicheskii Proekt. S. 43–328.

Sorokin, P. (1994) Obshchedostupnyi uchebnik po sotsiologii. M. : Nauka.

Shiuts, A. (2003) Smyslovaia struktura povsednevnogo mira : Ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. M. : In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie».